

ВОСПОМИНАНИЯ О ДОКТОРЕ БАЙЕРЕ

16 апреля 2011 г. на 74-м году жизни после болезни скончался почетный профессор Уральского университета Ханс-Файт Байер. Ушел из жизни талантливый человек, большой, оригинально мыслящий ученый. Берлинец по рождению, он свое первое высшее образование получил в Свободном Берлинском университете, затем учился в Афинском университете, много ездил, какое-то время жил на Афоне. С 1970 г. он в течение почти четверти века работал в Венском Институте византистики, где им была написана монография о византийском ученом Никифоре Григоре. Не случайно в качестве объекта исследования были избраны «Антиретики», наиболее спорные сочинения этого византийского автора. В эти же годы Х.-Ф. Байер был одним из авторов 12-томного «Пропосографического лексикона времени Палеологов». Однако работа в проекте подготовки этого объемного словаря, как оказалось позднее, его тяготила в силу ее неперемennого временного регламента, ломавшего его личные научные планы. В 1985 г. Байер защитил в Вене докторскую диссертацию по творчеству Георгия Синаита, византийского автора, с которым будут позднее связаны его научные помыслы.

О Байере нужно писать – и напишут! – как о талантливом неординарно мыслящем ученом, тонко чувствующем текст филологе, знатке древних языков, великолепном переводчике. Сейчас же, когда мы потеряли коллегу, в голове и в душе бесконечная череда воспоминаний, каких-то связанных с Байером ситуаций, обрывки сказанных когда-то фраз и письма в ящике стола. Поэтому я вместо прощальных слов избрала жанр воспоминаний, которые могут помочь набросать эскиз портрета человека, шедшего с нами по одной жизненной стезе в течение шестнадцати лет.

В середине 90-х гг. в жизни Х.-Ф. Байера открывается новая страница. Преамбулой перемен было его появление в Екатеринбурге осенью 1993 г. на научных чтениях, посвященных 100-летию со дня рождения профессора М. Я. Сюзюмова. По градусу научных споров это научное сборище было, пожалуй, самым бурным за всю историю Сюзюмовских чтений. Спровоцировал споры наш гость своим докладом, содержащим

неординарную трактовку ренессансной культуры. Дебаты доставили докладчику радостное удовлетворение – за этим он и ехал в далекий Екатеринбург! Отстояв (для себя) свою точку зрения, доктор Байер взял реванш как нападающий при обсуждении моего доклада, где развивался тезис нашего учителя профессора Сюзюмова о наличии черт абсолютной монархии в системе власти византийской империи. Противостояние столичной и провинциальной знати было определено в докладе как некие «социальные качели», дававшие возможность императору чувствовать себя в значительной степени независимым. Забавно, что огонь споров потух в одну секунду, когда за окном аудитории, где проходило заседание, повалил столб дыма и кто-то крикнул: «Пожар!» Мы все бросились к лестнице, а Байер с фотоаппаратом был уже в центре событий. К счастью, пожар быстро ликвидировали, но он был ярким завершением этого научного обсуждения. Было видно, что наш гость был доволен обсуждением докладов и экстримом их завершения.

В 1995 г. в жизни Х.-Ф. Байера появилась возможность (совпавшая с его желанием) сменить место своего проживания. К этому времени умерла его мама, певица венской оперы, с которой он жил последние годы. Выбор пал на Екатеринбург. Для меня до сих пор остается загадкой, почему Х.-Ф. избрал наш город, чтобы обосноваться здесь навсегда. Мне кажется, что главным являлось его желание быть свободным человеком, не зависящим от какого-либо «начальника». Он явно хотел писать не то, что необходимо по плану, а то, что ему хотелось. Видимо, кафедра Уральского университета показалась ему соответствующей таким планам. Мы тогда охотно спорили и не были обременены статусными различиями: вне зависимости от возраста мы все были учениками одного учителя – М. Я. Сюзюмова. Кроме того, австрийская пенсия в условиях уральского города давала ему возможность безбедно существовать.

Перебравшись в Екатеринбург, Байер жил некоторое время в университетском общежитии гостиничного типа, а затем купил себе квартиру, куда перевез из Вены свою библиотеку и кое-что из вещей (антикварный шкаф!).

Доктор Байер активно включился в жизнь кафедры, вел занятия по греческому языку, читал спецкурс по византийской проблематике. У него прошли «выучку» наши аспиранты Д. Макаров, С. Красиков, Т. Куш, К. Лобовикова и другие. Сергей Красиков постоянно бывал у Байера дома и старался научиться у него всему – и тот щедро вознаграждал его своим вниманием.

Важным событием в жизни кафедры было создание кабинета «Античная древность и средние века» (ныне «Кабинет византийских иссле-

дований имени Х.-Ф. Байера») с великолепным книжным фондом, основой которого, кроме книг М. Я. Сюзюмова (нам после его кончины была передана только иностранная часть его библиотеки), были книги, купленные для нас Байером. Он, приобретая на свои деньги необходимые издания, старался учитывать наши научные интересы. Каждый из кафедралов может сказать, что было куплено именно для него. Я написала в предисловии к моей книге по византийскому церемониалу, что мне Байер купил – без какой-либо моей просьбы – парижское издание сочинения Псевдо-Кодина и «Просопографический лексикон». Единственное, что Байер купил по моей просьбе, это 141-й том «Греческой патрологии», где опубликованы труды Григория Паламы: один из моих талантливых студентов, Д. Макаров, с первого курса проявил интерес к творчеству этого византийского автора. Позднее я узнала, что это издание – безумно дорогое...

Байер в эти годы много писал, переводил сочинения Григория Синаита, которому он отдал много сил и симпатий (в отличие от Григория Паламы, которого он страстно недолюбливал и пытался склонить нас к этому). Байер был талантливейшим переводчиком, тонко чувствовавшим текст, глубоко погружавшимся в мысль автора.

Можно сказать, что своим присутствием на кафедре Х.-Ф. Байер дал уральской школе византинистов новое дыхание. Именно в трудные 1990-е гг. писали свои диссертации мои аспиранты, из которых двое стали докторами наук (Д. И. Макаров, Т. В. Куш), один близок к этой черте (С. Я. Красиков-Гаген) и активно работают остальные (К. И. Лобовикова, Н. Г. Пашкин). Без вклада Байера в развитие уральского византиноведения результаты были бы скромнее.

Доктор Байер, как мне кажется, украсил нашу жизнь 1990-х гг. Высокий, породистой внешности, с густой шапкой волос, всегда безукоризненно одетый, он контрастировал с нашими профессорами, переодевшимися в годы перестройки – якобы на европейский или скорее американский лад – в поношенные джинсы и растянутые джемпера. Его хорошие манеры были естественными, идущими от семейного воспитания, но при всем этом он мог стать совершенно необузданным, когда чувствовал себя оскорбленным или обиженным. Он, как большой ребенок, делал «страшное лицо» и мог даже погрозить кулаком. Кого-то это пугало, но для меня эти выпады были частью его склонности к эпатажу, которая пронизывает все его книги, статьи и публичные выступления. Было в этом и что-то детское, смешное. То есть, он был одновременно и комильфо, и *enfant terrible* – «несносным ребенком».

В 1990-е гг. мы чаще общались и больше внимания уделяли Байеру. В. П. Степаненко, которого Х.-Ф. всегда в своих письмах ко мне называл «мой друг», во многом заботился о Байере – от покупки квартиры и ремонта до врачей и издания его книг. С. Красиков вообще дневал и ночевал в его доме. Наши кафедралы во главе с В. П. в католический сочельник всегда устраивали в доме Х.-Ф. рождественский «мальчишник».

Х.-Ф. Байер был гостеприимным хозяином. Помню, как в честь приезда немецкого ученого Франца Тиннефельда с его супругой Марией-Терезией Х.-Ф. Байер организовал прямо-таки великосветский прием. Все началось с аперитива: гости стояли с бокалами вина, а хозяин переходил от одного к другому, поддерживая легкую беседу. Этой красивой преамбулы к застолью обычно не бывает в наших домах. Все было в меру изысканно, но не чопорно. Общие разговоры продолжались далее в другой комнате за обеденным столом. Хозяин проявил, кроме прочих, еще и кулинарные таланты. К сожалению, я забыла, что стояло на столе (кажется, фаршированные кабачки). Значительное оживление вызвал десерт: это оказалась не дыня, как предполагалось, а тыква. Выяснилось, что в ожидании гостей хозяин купил этот яркий роскошный плод у какой-то бабушки, торговавшей на улице овощами. На вопрос Байера – «Melone?» – бабуся на всякий случай ответила утвердительно. Это всех позабавило, а тыква была отправлена на последующую кулинарную обработку.

Украшением этого вечера был его финал. И Байер, и его мюнхенский гость, как мы знали, обладали великолепными музыкальными способностями. Сев рядом во главе стола, они прекрасно спели что-то из немецкой классики. Пожалуй, этот вечер стал для меня самым прекрасным воспоминанием о доме доктора Байера.

Дважды мне довелось ехать с Байером в поезде: один раз – до Москвы (28 часов) и в другой – до Барнаула (42 часа). Поездка в Москву была необычайно романтична в связи с погодой. Была вторая половина декабря, и лес от Екатеринбурга до Москвы был в инее – как на рождественской картинке. Такого волшебного пейзажа я больше никогда не видела. Разговор все время «крутился» вокруг религиозных тем. Кое-что я узнала нового и до сих пор использую в своих лекциях. Х.-Ф. Байер пытался снова предать критике Григория Паламу, но я отмалчивалась, боясь разрушить сказку за окном.

В Барнаул, на XIII научную сессию византинистов, мы ехали большой компанией вместе с аспирантами. Хотя билеты у нас были в разные купе и у кого-то даже в другой вагон, мы забились в одно купе, разговаривали и без конца пили чай. Байер приготовил в дорогу рыбу с овоща-

ми. Поскольку было жарко (конец мая), рыба в байеровском бауле скоро дала о себе знать. На все наши уговоры ее выбросить он отвечал гневным отказом. У него были особые гастрономические вкусы и своя шкала пригодности продукта. К вечеру появились новые пассажиры, у которых были билеты в это купе, и нам пришлось разойтись. Не знаю, какова была судьба рыбы, но Байер прибыл в Барнаул весьма бодрым.

Вообще по поводу отношения Байера к еде мы часто посмеивались между собой. В еде он любил соединять совершенно несоединимое, удивляя всех своими композициями.

Правило «Не так, как все» было у него каким-то глубинным, не придуманным, не показным – и это проявлялось почти во всем. Однажды, когда он лежал в больнице, я решила его навестить. Пожарила курицу, упаковала ее и даже завернула все это в шаль (зима, холод, далеко ехать). Байер был рад моему визиту и источавшей аппетитные ароматы еде, но, взяв курицу, он подошел к холодильнику и засунул ее... в морозилку! Я постаралась не показать своего удивления: горячая же...

Обращаясь в мыслях назад, нужно признать, что общение с доктором Байером не было легким. Он был от природы склонен к критике. Больше всех «доставалось» тем, кто был ближе к нему. Я, к счастью, не принадлежала к этому кругу, но пару раз и я была объектом его критики. Чтобы понять эту данную ему от природы задиристость, я всегда вспоминаю, как он однажды написал, что интерьеры здания (знаменитого!) венской оперы были дурно решены архитектором: где ни сядь, всегда какая-нибудь колонна перед глазами...

В целом первые пять-шесть лет пребывания в Екатеринбурге были для Байера успешными, заполненными исследованиями, поездками на конференции, конгрессы, работой со студентами и аспирантами, общением с коллегами. В эти годы он издал свой опус по текстам Ефрема Сирина и Романа Сладкопевца, а также вызвавшую много споров работу «Готы в Крыму». Летом, как обычно – в течение многих лет, он отдыхал в Австрии, в горах Каринтии. Кто-то из наших даже навестил профессора в местах его дивного уединения. Мне же он присылал оттуда открытки с волшебными видами Каринтии. Но, увы, хорошее имеет обыкновение когда-нибудь – раньше или позднее – заканчиваться.

Последние десять лет жизни ученого обернулись для него трагедией: он неожиданно потерял слух. В конце лета 2001 г. доктор Байер получил приглашение на конференцию, проходившую в Ханты-Мансийске. Хотя она не соответствовала научным интересам ученого, он решил посмотреть этот северный город. Там и случилась беда. Как выяснится много позднее, его укусил таежный клещ, спровоциро-

вавший страшную болезнь – боррелиоз (болезнь Лайма), почти не поддающуюся лечению. По возвращении в Екатеринбург Байер плохо себя чувствовал – головокружение, потеря координации, изматывающий шум в голове и, наконец, полная потеря слуха. Когда к концу декабря был поставлен диагноз, ничем уже нельзя было помочь. Съездив в Германию, Х.-Ф. убедился, что последствия болезни неустранимы.

Все в жизни доктора Байера изменилось сразу: прекратились занятия со студентами, сократился круг общения, поскольку разговор с ним требовал листа бумаги, ручки, стола. Не слыша русской речи, он стал хуже говорить – «стиралась» четкость артикуляции. Возникли и бытовые сложности (магазин, почта, банк).

Байер странно решил возникшую проблему помощника – «медиатора», как он говорил. Нашел он где-то (кажется, на рынке) немолодого, необразованного человека, поселил его у себя дома, прописал и пообещал передать ему квартиру. У этого Эльдара (Байер называл его в разговорах и письмах «мой Татарин») были еще и дети. Но не нам судить: вероятно, ему было так удобно. Эльдар был крайне неприветлив с университетскими посетителями, что привело к сокращению количества визитов до минимума.

Следует заметить, что Байер достойно переносил все эти перемены. Он активно исследовал византийские тексты, издал огромный труд по «Житию Григория Синаита» и множество статей, участвовал в работе международных конгрессов по византиноведению в Париже и Лондоне. Последним было его выступление с докладом на Сюзумовских чтениях в ноябре 2010 г. Постоянными были занятия профессора (буквально до последнего дня жизни) с его подопечной Ольгой Замятиной. Она была единственным человеком из университетского круга, кому было дозволено Эльдаром взять свои материалы в доме Байера после его кончины.

Помимо научных изысканий, чтения византиноведческих исследований, участия в ученых форумах, Х.-Ф. Байер в постигшие его годы глухоты с увлечением занимался написанием своей родословной и переводами стихов Владимира Соколова. Писать воспоминания о родных, о далеких годах детства вполне естественно для людей старше семидесяти лет. Однако, как кажется, здесь главным побудительным мотивом к этому была оторванность от родных и близких людей, жизнь вдали от родины. Первые из написанных страниц Ханс-Файт посвятил своей бабушке. Но следует заметить, что его записи были лишены сентиментальности, которая характерна для этого жанра. Конечно, он вспоминал о своем первом велосипеде, но скорее писал как ученый: его интересо-

вало уточнение фактов. Поиск документов, сопоставление мнений об описываемых им событиях. Значительное внимание в этих записях уделялось ментальности родных людей, уже ушедших из жизни. К примеру, он посветил много страниц вопросу о том, почему его бабушка проклинала русских, считая, что это они начали войну. Х.-Ф. полагал, что причиной тому было ее неведение, отсутствие информированности о том, что происходило на фронтах войны. В одном из писем Байер отметил, что он начал воспоминания о своей маме. Еще ранее Байер много написал о своем деде Валентине Байере – это вошло в его книгу об Эльзасе (1998 г.). Будучи в Каринтии, он нашел старый паспорт одного из своих предков, что дало ему основание для корректировки хронологии отдельных событий в жизни семьи Байеров.

Как мне кажется, он был намерен опубликовать свои записи в Германии.

Года три назад Байер увлекся творчеством одного из последних поэтов советского времени – Владимира Соколова. В письме ко мне от 27.01.2010 г. он написал: «Хотя я не отказался от занятий предками, все же считаю более плодотворным заниматься Соколовым». Байер прислал мне бандеролью некоторые из его переводов стихов Соколова. Это была по преимуществу осенняя пейзажная лирика, пропущенная через сердце поэта. Именно параллельное чтение этих стихотворений – в немецком и русском звучании – открыло мне переводческий талант Байера, хотя до этого я не раз читала его переводы византийских авторов, но именно его прочтение опусов В. Соколова убедило меня, насколько точны были его переводы и лексически, и грамматически, но при этом не была утрачена поэтическая «душа» стиха. Помню, что я была потрясена и в поисках единомышленников, которые бы разделили мой восторг, пыталась за кухонным чаепитием читать это близким мне по духу коллегам Юлии Русиной и Татьяне Куш. Результатом изучения творчества В. Соколова явился немецкий доклад Байера, корректуру которого он мне прислал.

В одном из последних писем ко мне доктор Байер даже написал, что занятия Соколовым помогли ему «свергнуть таких ложных претендентов на престол Бога», как, к примеру, Ницше или даже Сократ. В этой сложно выраженной мысли проявилось, пожалуй, байеровское понимание поэзии Соколова как философии жизни.

Для Байера Владимир Соколов отнюдь не «тихий поэт», как его окрестили некоторые литературоведы. Он принимает для характеристики поэта метафору «это тихий океан». В интерпретации Байера Владимир Соколов – борец, никогда не отступавший от своего *credo*, нравственной

основой которого была человеческая душа с ее устремленностью ко всему прекрасному, чистому, открытому. Доклад Байера начинается знаменитой строкой из одного из самых известных стихов Соколова: «Я устал от двадцатого века, // от его окровавленных рек. // И не надо мне прав человека, // Я давно уже не человек».

Доктору Байеру явно импонирует стремление поэта обо всем говорить открыто, не уходя от ответов на вопиющие проблемы дня. Надо полагать, что Байеру понятно осознание Владимиром Соколовым права человека, прошедшего значительную часть своего пути, быть открытым миру: «На краю бесконечности можно // Говорить обо всем не спеша».

Обратившись к аналитическим рассуждениям Байера относительно творчества Соколова, порой ловишь себя на мысли, что исследователь пишет и о себе. Как кажется, это особенно заметно в пронзительном стихе: «Я так устал на всех похожим быть, // К тому ж за годы, что я здесь бытую, // Что нет меня, что я не существую». Невольно эти пронзительные строки проецируются на судьбу доктора Байера. Мне кажется, он был «чужим среди своих» в немецкой среде, что и подтолкнуло его к переезду в далекие края, но и здесь, на Урале, он не стал «своим среди чужих» – чужих по языку, месту проживания, образу жизни, привычкам, воспитанию, религии. Это оставляет в душе не только скорбь в связи с кончиной нашего коллеги, но и чувство вины. Правда, говорят, что так всегда бывает, когда уходит достойный человек...

М. А. Поляковская